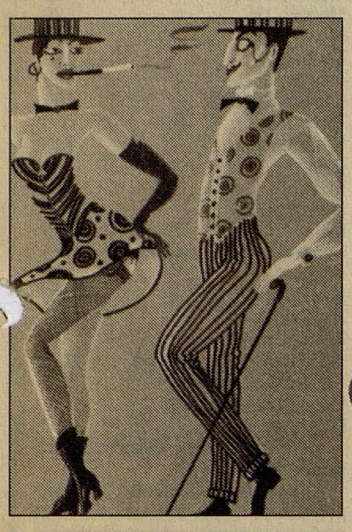
Коженкова Алла 159 27.4.2000.

Век. Москва. — 2000. — 27 апр. — с.15

Внучка Бабы Яги

Когда я обижалась, случалось плохое. Теперь я всех люблю

Алла Коженкова в окружении своих героев



Эскизы к спектаклям «Камера Обскура» и «Самоубийство влюбленных на острове небесных сетей»

Майя Плисецкая: «А я птица с веером...»

За кулисами стояла Майя Плисецкая. Ее шестиметровый в диаметре кринолин по бокам удерживали двое. Алмазная сетка открывала изумительные ноги богини балета. «Так не бывает, — любит говорить Майя Плисецкая, — но иногда случается». Алла Коженкова — наглядное тому подтверждение. Безошибочное чувство успеха, колоссальная работоспособность и негаснущий оптимизм вихрем проносят ее по театральным сценам от Елисейских полей до Японии, от Лондона до «Метрополитен-опера», от Александринки до Москвы. Сценография и костюмы от Аллы Коженковой — всегда бурлеск и бездна самоиронии.

Яна ЖИЛЯЕВА

Через двенадцать лет Алла Коженкова снова в «Сатириконе». Вновь кипят шекспировские страсти, вновь тема раба и его господина, вновь убийство. Тогда «Служанки» Жана Жене, сейчас «Слуги и снег» Айрис Мердок.

Рождественские наряды Аллы Коженковой для дам Английского клуба заставляют мужей летать в Лондон, чтобы подобрать достойные диадемы в цвет платьям. Устроители новогоднего бала в Нью-Йорке не знают, как примирить гостей, в ажиотации расхватывающих коженковскую коллекцию костюмов. Меценаты грозятся вот-вот открыть в Москве Аллин салон вечерних и карнавальных платьев.

В общем, Алла Коженкова — это женщина-песня. В ней смешались польская кровь и наследственная жажда жизни, легкомыслие бабушки и артистизм матери, питерский педантизм и московская бесшабашность. Утверждать можно только, что ее никогда не будут звать по отчеству, у нее никогда не будет учеников и она никогда не выйдет на пенсию. Все остальное — лебединая вольная песня.

Шербет и лимонад,
настойки из гранат...
Денег не жалей,
покупай скорей —

пела в питерском кафе-шантане «Баба Яга» красавица полька с пышной прической, тонкой талией в рюмочку и выразительным бюстом. Красотку звали Лидия Чистовска. Это бабушка Аллы Коженковой. Свой первый жениховский подарок — кольцо с бриллиантом — будущий Аллин дедушка скромно спрятал в розу, которую бросил к ногам певицы. Потом были и другие розы, бриллианты и шиншиля, но волею судеб уцелело именно это, первое кольцо. Оно красуется на безымянном пальце внучки.

Сейчас в «Бабе Яге» расположился Малый драматический театр. Свой первый спектакль студентка четвертого курса Ленинградского театрального института Алла Коженкова оформляла именно в этом театре на улице Рубинштейна.

Но на этом мистические совпадения только начинаются:

— Моя мама-балерина окончила Вагановское училище и дебютировала в Театре музкомедии в «Фиалке Монмартра». Сейчас театр на реставрации, уже восстановлены фойе, заканчивается работа над сценой и зрительным залом. И тут меня приглашают сделать на открытие «Фиалку Монмартра»!

«Служанок» мне предложили сразу четыре театра. Я сделала только с Виктюком. Потому что я не понимаю, как могут играть женщины и какой еще мотив там можно найти. Потом Виктюк решил поставить «М. Баттерфляй», еще двое сделали такие же предложения. И я работала сразу с тремя режиссерами. Я сделала балет «Чио-Чио-Сан» и еще оперу «Мадам Баттерфляй». Все это за три месяца. И все «Мадам» вышли совершенно разные.

После «Служанок» в «Сатириконе» прошло 12 лет, тоже непростая цифра, наша группа распалась, каждый пошел своим путем. И вот меня пригласил Костя Райкин сделать с Леной Невежиной «Слуги и снег». Оказалось, те же самые «Служанки», только другим языком.

— Требуют ли режиссеры верности и постоянства, не обижаются ли на ваш свободный полет?..

— Режиссеры, с которыми я работаю, в основном мужчины. Как женщина я всегда хочу подчиниться. У меня цель в жизни и в работе — найти каменную спину.

Меня так научил профессор Акимов: пока делаешь спектакль, обязана всех любить. И когда работаю, я действительно всех люблю. Наверное, так действует система Станиславского...

А после премьеры, как правило, я этих людей больше не вижу. Если режиссер приглашает меня снова, я опять начинаю с влюбленности, по новой переживаю роман.

Мне везло. Иногда я приходила к режиссерам с пьесой и предлагала ее поставить. Как правило, мне никто не отказывал.

Я никогда не просила денег. Я могу лишь согласиться и работать. Но и с предложениями мне везло. Я никогда не делала, например, оперу «Мать».

— Сценическая любовь потворствует романам?

— Я работаю всю жизнь, и любовная линия в моей личной жизни никогда не умирает. Это все в параллельных мирах. Правда, я стараюсь не путать одно с другим. У меня никогда не было мужа-режиссера и, сказать честно, никогда не было любовника-режиссера. Скорее нет, чем да.

Что касается актеров... Конечно, мой первый муж был актером...

— У вас в репертуаре все пьесы, где героини на грани нервного срыва, а страсти бушуют на градусе кипения. Это ведь и про вас лично?..

— Есть вечная тема моей любви. Возвышенный роман всей моей жизни — прекрасный датчанин. Недавно на премьере в Вахтангове меня спросили о самой драматической любви, и я ответила тележурналистам: «А он сейчас придет». И вот мой «принц» входит в зал, нас окружают, а он говорит о том, какая я великолепная, и на вопрос о том, почему же мы не вместе, отвечает: «Она отказала мне».

В свое время он был известным политическим комментатором, работал 6 лет у нас в иновещании. Я его заставила поехать на дачу за грибами. Мне надо было в лес, я вот как устала. И мы отправились с детьми в лес. А так как у меня топографический кретинизм, то мы заехали в город Красноармейск, где военный объект, а не в Ивантеевку, где у меня дача. Мы едем, ничего не можем понять, а нас обгоняют мотоциклисты, милиция с мигалками. А мы, как идиоты, на дипломатической машине с корзинками... В итоге приехали КГБ, МВД, датское посольство, я не знаю, кого там только не было. Нас допрашивали, над нами издевались как могли, а потом в «Комсомольской правде» появилась статья «Сколько стоит билет до Гарварда, господин Рахлин?» Он уехал. Звал меня с собой. Но как же я могу все бросить?! Мы понимали, что никогда больше не увидимся. Но прошли годы, судьба смилостивилась над нами, он стал приезжать в Россию.

Иллюстрации предоставлены Аллой КОЖЕНКОВОЙ

Бал миллениума в Нью-Йорке. Мадам Коженкова дает последние наставления мадам и мадемуазель Райкиным

А это интервью на премьере каким-то образом показали в Израиле, и когда я туда приехала, мне люди на улицах с бешенством кидали в лицо чудовищные обвинения. Как я посмела бросить этого прекрасного мужчину.

— Да вы демоническая женщина, Алла...

— Видите, у меня зеленые глаза. А вот тут на шее два пятнышка, видите. Что это такое? Откуда-то взялось... Когда мне было три года, я спросила у папы, что это значит. Он ответил: «Бог шельму метит». Что такое «шельма», не знаю до сих пор.

Гадать и провидеть — мое любимое занятие. Одна провидица в Болгарии сказала, что у меня большой дар. Но я бросила. Очень много попаданий. Если мужчины мне делали больно и я на них сердилась, то потом этим людям было плохо. Но я и сердиться бросила. Ни на кого не обижаюсь.

У меня хорошо развита интуиция, я живу на уровне эмоций. Обо мне много что говорят, но главный мой принцип в жизни: «Крестьянин на барина сердился, но барин об этом не знал...»

Я никогда не делаю на сцене гробов или крестов. Я не участвую в спектаклях, где есть покойники. Хотя ко всяким вампирам и страшилкам отношусь с большой симпатией и юмором, как в старом анекдоте: идут два привидения по кладбищу, вдруг раздается скрип, привидение вздрагивает, а другое его успокаивает: «Неужели ты до сих пор веришь в эти истории о живых?!»

Не люблю людей без чувства юмора и самоиронии. И сама стараюсь сохранить самоиронию в своих работах и в жизни.

Лишь однажды я решилась сделать что-то очень серьезное в опере «Мария Стюарт». В финале, где главной героине отрубают голову, режиссер решил, что лицо королевы должно быть завязано черным платком. Этот платочек мои мастерицы принесли на премьеру. Вот стоит в кулисах, готовится умирать героиня, а платок мал, на голове не завязывается. Что делать? И тут я вижу рядом кормилицу в головном уборе с драпировками. Я кричу: «Ножницы мне!» По кругу обрезаю драпировки прямо на кормилице и вручаю кусок черной ткани перепуганной певице. Так что серьезно ничего не получается.

— Вы работаете с не менее темпераментными актрисами. Одна Майя Михайловна Плисецкая чего стоит...

— Майю я просто обожаю! Это фантастически красивая женщина! У Имперского балета Гедиминаса Таранды есть номер «Птицы» — в центре Майя Плисецкая, вокруг кордебалет. И я придумала обтягивающее платье из серебристой ткани и зеркальные веера для Плисецкой. Труппа репетировала в Финляндии, а я поехала к своему мастеру в Питер и заказала веера из зеркал. Но когда работа была закончена, я поняла... провал! Будто в каждой руке у меня было не по веру, а по ведру с водой. Тяжесть неподъемная! Я вернулась в Финляндию и покаялась Майе, как я ее подвела. Майя развернула веера: «Как тяжело, ужас... Но как красиво!» И она вышла на сцену и танцевала с этими веерами!

Я сделала Майе еще два костюма: шестиметровый кринолин с алмазной сеткой впереди, которая открывает ноги. И красное платье со шлейфом, который несет вся труппа, а Плисецкая в финале заворачивается в него, как в кокон.

На Новый год вместе с балетом Гедиминаса Таранды мы устраивали бал в Нью-Йорке. Ко мне обратился один состоятельный господин, который решил сделать большой праздник миллениума. Он арендовал бальные залы. Я сделала специальные костюмы для балетного шоу. И еще мы придумали карнавал. А плюс к этому сшили на заказ карнавальные костюмы для гостей.

Но еще я привезла свою коллекцию из ста костюмов из разных спектаклей, и каждый из гостей мог в них нарядиться. Нам дали специальный зал для примерок с зеркалами, манекенами, креслами, вешалками. В помощь прислали десять негров, которые в ответ на любую просьбу моего директора отвечали: «Йес, сэр!» и все гладили, распаковывали, развешивали. К нашему величайшему удивлению, в день бала к нам явилась толпа любопытных и расхватала все костюмы. Доходило чуть ли не до обид.

Гостями хозяина на балу были Костя Райкин с женой и дочерью. Новый год мы отмечали в Нью-Йорке, ходили по праздникам, а накануне встретили русский Новый год в ресторане с семейством Райкиных и Гедиминасом Тарандой.

Для хозяина бала, его жены и двухлетнего сына я сделала два комплекта костюмов. Костюмы царской семьи и графские костюмы: жене — платье с вертюгатом и берет со страусиными перьями, мужу — камзол с жилетом, расшитым золотыми кружевами. Недавно он написал мне из Нью-Йорка, что надел костюмы на манекены и таким образом оформил один из залов своего отеля.

— Алла, продолжая семейные традиции, вы не пробовали петь и танцевать?

— Я не пою, но танцую. Если кто-нибудь приглашает.